

Сахарова Анна Владимировна

ДИАЛЕКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ДИСКУРСА

В статье рассматривается проблема становления языковой личности с точки зрения взаимодействия индивидуального и коллективного в процессе вовлечения носителя языка в дискурсопорождение как разновидность социальной деятельности. В связи с этим анализируются такие свойства дискурса как конвенциональность - интенциональность и инструментальность - креативность. Выявляются лингвистические и внелингвистические факторы, определяющие границы пространства свободного выбора индивида и влияющие на его формирование как субъекта дискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 174-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 304.2

Философские науки

В статье рассматривается проблема становления языковой личности с точки зрения взаимодействия индивидуального и коллективного в процессе вовлечения носителя языка в дискурсопорождение как разновидность социальной деятельности. В связи с этим анализируются такие свойства дискурса как конвенциональность – интенциональность и инструментальность – креативность. Выявляются лингвистические и внелингвистические факторы, определяющие границы пространства свободного выбора индивида и влияющие на его формирование как субъекта дискурса.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; дискурс; интерсубъективность; социальное действие; креативность; теория речевых актов; языковая игра.

Сахарова Анна Владимировна*Ивановский государственный политехнический университет**sakharova1984@inbox.ru***ДИАЛЕКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ДИСКУРСА[©]**

Интерес к языковой личности (далее – ЯЛ) – устойчивая тенденция, сложившаяся в лингвистике (социолингвистика, лингвоперсонология, лингвокультурология), философии языка (теория речевых актов, концепция языковых игр), социологии (социальный конструктивизм) во второй половине XX века. Однако поскольку заданные указанными направлениями рамки не предполагают изучения ЯЛ как субъекта языковой деятельности в социальном контексте, необходимо обратиться к рассмотрению личности носителя языка в более широкой социально-философской перспективе.

Тематизация этого аспекта формирования ЯЛ важна по нескольким причинам. Во-первых, представление о проблематичности субъекта как неизменной, устойчивой целостности, привнесенное в философский дискурс постмодернизмом, стимулирует изучение природы ЯЛ с точки зрения ее индивидуального вклада в дискурсивные практики. Во-вторых, дискурс как вид социальной деятельности реализуется в речевых действиях, проявляясь в диалектике индивидуального и коллективного. В дискурсе актуализируются такие противоречия как конвенциональность – интенциональность, инструментальность – креативность, являющиеся источником развития ЯЛ.

Конвенциональность – интенциональность дискурса

Через дискурсивную деятельность реализуется участие в коммуникации ЯЛ, имеющей цель, обусловленную намерением (*интенцией*). В речевом акте она не только «извлекает» из ментального лексикона синтагматические правила сочетания, но и определяет круг тем, о которых можно говорить, решает, как и сколько об этом говорить, то есть действует в соответствии с выработанными в языковом сообществе *конвенциями*.

Понятие «конвенция» широко используется в социально-гуманитарном знании, отражая разные аспекты конвенциональности. В данном случае, полагаем, достаточно будет сослаться на определение М. Вебера, чтобы очертить границы смысла понятия. «Под “согласием”, – писал он, – мы будем понимать следующее: действия, ориентированные на ожидания определенного поведения других, имеют вследствие этого эмпирически “значимый” шанс на то, что ожидания оправдываются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо договоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям, как к “значимым” по своему смыслу для их поведения» [4, с. 526].

Под интенцией Ф. Брентано, автор этого понятия, подразумевал направленность на объект, или имманентную предметность, когда «каждый психический феномен содержит в себе объект, хотя и не каждый одинаковым образом» [3, с. 26]. В феноменологии Э. Гуссерля она рассматривалась как интерсубъективность, то есть пространство взаимодействия многих, детерминирующее структуру сознания личности. «Одна из особенностей его, – писал он, – состоит в том, что оно всегда обладает системами интенциональностей, в том числе согласованными, которые частично заключены в нем, частично же, как определенные потенциальности, могут быть раскрыты благодаря горизонтному предочерчиванию» [7, с. 67]. Хотя субъект и является носителем совокупности социальных практик, данных как привычки и предрасположенности к действиям, но источник структуры Я находится за ее пределами.

Психологическая версия концепции интенциональности была дополнена лингвистическим вариантом (теория речевых актов). П. Грайс и Д. Сёрль исходили из признания того, что проблемы философии языка вторичны по отношению к философии сознания. Отвергая стационарность значения знака, П. Грайс полагал, что значениями слов являются субъективные интенциональные содержания говорящих. «Объективное значение» есть лишь конвенционально устойчивая субъективная интенция [15, р. 24]. В то же время исследование интенциональности сознания Сёрлем осуществлялось с позиций философии языка, то есть через реконструкцию речевого акта как комбинации трех действий (локуция, иллюкуция, перлокуция). Придерживаясь идеи производности речевых актов от психологических, Сёрль обосновывал её возможностью лжи в речи,

что указывает на произвольное употребление слов. Следовательно, интенциональность коренится не в языке, а в сознании. «Мои субъективные состояния, – отмечал Д. Сёрль, – соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенция» [16, р. 37].

Теоретические конструкты «интенциональность», «интерсубъективность», «речевой акт» представляют собой, в сущности, идеальные модели речевой коммуникации, которая сводится к согласованному переживанию другого «Я», к «гармонии монад» [8, с. 457]. Но невозможность такой согласованности потенциально заложена уже в самой идее «жизненного мира» (Э. Гуссерль) как совокупности повседневных практик, следовательно, текучего и меняющегося, или в перлокуции (Д. Сёрль) с неопределенностью ее исхода и, следовательно, нарушением заданного конвенционального порядка.

Существует несколько обстоятельств, проблематизирующих «коммуникативную идиллию» и обуславливающих иной взгляд на соотношение интенциональности и конвенциональности в процессе порождения дискурса. Во-первых, отсутствие онтологической включенности ЯЛ в интерсубъективность. Интерсубъективность дана индивиду изначально как нерасчлененная целостность, которая только в процессе вхождения в повседневную коммуникацию формируется в результате взаимной направленности языковой личности и языкового сообщества (коллективного Другого) на процесс установления взаимопонимания. Следовательно, структура интенциональности (то есть видов речевой направленности и способов их реализации) складывается и корректируется в результате постоянного вовлечения ЯЛ в дискурсивную деятельность и связана с длительным процессом освоения лексической базы языка и формированием тезауруса.

Во-вторых, трактовка ЯЛ как рационализированного субъекта, выполняющего телеологически predetermined миссию – достижение успеха в речевом акте, – неоправданно выводит за пределы исследования такие психологические аспекты речевой деятельности как иррациональность, эмоциональность или социальные – особенности воспитания, образования, наличие культурного капитала (П. Бурдьё), под которым понимается не только формальная властная позиция, но и социальная позиция актора в значительно более широком смысле [14, р. 49]. В таком случае модель интенция – средство – цель не может рассматриваться как непротиворечивый переход от одной инстанции к другой. Интенция может противоречить средствам ее достижения (нередко можно услышать фразу «Я не хотел (у меня не было намерения) тебя обидеть»), цель (например, самовыражение экзальтированной ЯЛ) может не иметь в наборе конвенций, принимаемых языковым сообществом как адекватных средств выражения.

В-третьих, дискурс всегда протекает в условиях определенного контекста, включающего конвенции разного уровня: 1) универсальные, обеспечивающие успешность речевого акта (соответствующие социальные полномочия говорящего, целесообразность, искренность); 2) социокультурные (отмечается такое явление как циклы смены культурных коннотаций – ценностный, профанный, иронический и исторический) [2, с. 30-32]; 3) принадлежащие сфере субъективности ЯЛ (индивидуальный жизненный опыт). Образованная ими композиция и есть сфера личной свободы выбора ЯЛ между конвенциональными установками.

Инструментальность – креативность дискурса

Специфика речевого акта заключается в том, что в нем диалектически взаимосвязаны использование языка как средства реализации намерений ЯЛ и само социальное действие. Язык, взятый с точки зрения его инструментальной природы, представляет собой экономный и ёмкий код для передачи огромного количества смысловой информации. Соответственно, как и любой инструмент, он тем эффективнее, чем лучше владеет им субъект деятельности. В то же время, язык – это инструмент, который сам совершенствуется в процессе порождения дискурса. Применительно к ЯЛ как субъекту дискурсивной деятельности это означает, что, с одной стороны, языковое сообщество ориентирует её на освоение общепринятых языковых норм и правил, а с другой, по мере включения в дискурсорождающую деятельность она начинает более свободно оперировать языком, изменяя его в определенных пределах. Таким образом, в процессе языковой деятельности проявляется оппозиция инструментальности и креативности как разнонаправленных и взаимосвязанных свойств дискурсивной деятельности.

Рассмотрение единства этих противоположностей обращает нас к сопоставлению двух моделей языка – *инструментально-номенклатурной* и *функционально-игровой*.

Инструментально-номенклатурный подход со времен Э. Бенвениста представляет язык как сложную многоуровневую модель. «Язык во всех своих существенных пунктах, – писал французский лингвист, – имеет прерывный характер и оперирует дискретными единицами. Можно сказать, что язык характеризуется не столько тем, что он выражает, сколько тем, что он различает на всех уровнях» [1, с. 25]. Языковая свобода индивида, с точки зрения структурной лингвистики, трактуется как возможность построения всё более сложных комбинаций по мере восхождения по «лестнице свободы» (Р. Якобсон). Однако неисчерпаемость языкового потенциала, обосновываемая в генеративной грамматике Н. Хомского [13, с. 28], сталкивается, с одной стороны, с неспособностью ЯЛ использовать бесконечность комбинаций, а, с другой стороны, с ограниченностью пределов естественного языка. Эта модель наглядно показывает, что «избыточность» языка, предопределенная законами лингвистической комбинаторики, предоставляет обширные возможности для порождения дискурсов. Но, будучи принципиально статичной, она не описывает язык как систему, вовлеченную в конкретную языковую деятельность в границах определенного социокультурного пространства.

В функционально-игровой модели языка, восходящей к теории языковых игр Л. Витгенштейна, идея единственного совершенного языка заменяется категориями различия, многоаспектности, историчности оснований языка. В результате появляется концепт «языковая игра» как практика употребления и реального функционирования

структур языка. Согласно этой теории, смысл языка – не в логико-грамматической структуре, а в ситуативном употреблении. Следовательно, значение слов определяется их употреблением (оно не стационарно, как, например, в логике Г. Фреге), а язык в форме речи выступает как игровая деятельность.

Речевая игра, понимаемая как разнообразие функционирования слов и предложений, предполагает наличие более или менее строгих правил, возможность отклонения от одних правил и вступления в силу правил новой игры, устаревание и смену игр. Этими правилами задаются возможности игровой комбинации различных действий, допускающие относительную свободу ЯЛ. Таким образом, предлагается еще одна версия комбинаторики, но, в отличие от структурно-лингвистической, – на уровне не языковых, а поведенческих единиц.

Можно согласиться с точкой зрения, что «важнейшей особенностью языковой игры как социального действия в современных условиях выступает субъективный выбор. Пространство выбора в такой языковой игре перерастает в пространство конструирования, где высказывания предстают не просто речевыми актами, а “кирпичиками”, из которых складываются социальные отношения, образы “себя” и “других”, различные аспекты и качества личности, воссоздаваемые и проживаемые в каждом коммуникативном акте» [12, с. 4]. Современная социальная реальность, трансформирующаяся под влиянием экспансии медиа-пространства, предлагает ЯЛ богатый выбор сценариев языковой коммуникации.

Как видим, наличие правил дискурса не исключает свободы творчества ЯЛ. Возможности оперирования лексическим запасом языка детерминированы степенью овладения вокабуляром и правилами конструирования лексических единиц разных уровней. Дискуссию вызывает вопрос о том, кто задает эти правила – языковое сообщество или ЯЛ. «Проблема следования правилу» вытекала из положения Витгенштейна о значении как употреблении: «Наш парадокс был таким: ни один образ действия не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действия можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если всё можно привести в соответствие с данным правилом, то всё может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было ни соответствия, ни противоречия» [6, с. 163]. Проблема заключается в происхождении этих правил. Из положения Л. Витгенштейна следует, что любое частное употребление языкового выражения может быть подведено под неограниченное количество правил употребления.

В аналитической философии сложилось два взгляда на способы преодоления этого парадокса. Первый, получивший название «точка зрения сообщества» (С. Крипке, Р. Фогелин, К. Пикок, К. Райт, Н. Малкольм), основывается на том, что разрешение парадокса возможно только в рамках широкого языкового сообщества. Крипке полагал, что аргумент «индивидуального языка» направлен не столько против гипотетического языка, сколько против «индивидуальной модели» следования правилу. Для успешной коммуникации не требуется абсолютная стабильность значений. Важна стабильность конвенции относительно правил их употребления [11, с. 60].

По мнению других авторов (Г. Бейкер, П. Хакер, К. Макгини, Х. Патнем), стабилизация языкового значения не требует санкционированного сообществом правила употребления выражения. Из того, что правило закрепляется в практике, вовсе не следует социальный характер этой практики. В основе стабильного следования правилу лежит не общественное согласие, а субъективная регулярность, повторяемость употребления выражений на практике и их связанность с определенными действиями, то есть всё то, что формирует и закрепляет привычку употребления. Подобная аргументация вызывает возражение, поскольку закрепление той или иной нормы в личном языковом опыте должно быть одобрено языковым сообществом. Разумеется, если речь идет о каких-то индивидуальных особенностях дискурса, глубоко не затрагивающих правила словоупотребления, то они могут сложиться в языковые привычки, характеризующие самобытность ЯЛ. Однако фундаментальные языковые конвенции не могут быть результатом нормотворчества отдельных индивидов. В этом ракурсе сущность языковой деятельности конкретной личности заключается не столько в предписании правил реальности, сколько в осуществлении синтезирующего действия. И эта активность уже не может быть приписана сообществу. В языковом сообществе складывается консенсус относительно правил использования языка, но реализуются они каждый раз в индивидуальной речевой деятельности.

Разрешение проблемы соотношения детерминированности дискурса языковыми нормами и правилами и индивидуальной свободы их применения выходит за пределы философии языка и возвращает к необходимости рассмотрения дискурса как разновидности социального действия. Однако, если природа целерационального действия (в терминологии М. Вебера) вполне укладывается в логику структуры интенциональности (в духе феноменологии и аналитической философии), то объяснение возможности отклонения от конвенциональных правил и норм языковой деятельности в дискурсе не может быть сведено к набору интенций, ориентированных на определенные цели. С позиций теории креативного действия (Х. Йоас), помимо целей во внимание необходимо принимать импульсы, желания, свойства внешнего мира, которые не входят в наши планы и могут оказаться исходными точками действия.

Дискурс как социальное действие отличается от действий невербальных тем, что для его осуществления требуется, если можно так выразиться, двойной рациональный контроль, т.е. сначала оформление мысли во внутреннем плане (внутренняя речь по Л. С. Выготскому), а затем ее перевод во внешний план. Однако полагаем, это не отменяет того, что порождение дискурса также связано: а) с экстралингвистическими факторами (механизм желания по Ж. Лакану, тесно связывающий наше поведение с телесностью, дорефлексивные импульсы по Х. Йоасу) [10, с. 186]; б) с ситуацией, под которой понимается не только контингентная (сложившаяся), но и конститутивная соотнесенность. «Ситуация – утверждает Х. Йоас, – это не только нейтральное поле приложения внеситуативных интенций; ситуации, по-видимому, в нашем восприятии провоцируют определенные действия» [Там же, с. 181].

Источники лингвокреативности ЯЛ обнаруживаются как в онтогенезе личности, так и в языковой реальности. В работах по онтолингвистике было показано, что лингвокреативность, присущая всем детям в процессе постижения родного языка, выражена у них в разной степени [9, с. 37-38]. Источником языковой игры, высвобождающей креативный потенциал ЯЛ, является и языковая реальность. Филологи называют ее деривационной, «поскольку человек говорящий творит свой неповторимый мир, создавая целые классы неолексем, порожденных его языковым сознанием» [5, с. 217].

Таким образом, субъектность носителя языка формируется в ходе его участия в дискурсе как форме социального действия. В основе этого процесса лежит взаимодействие как лингвистических, так и внелингвистических факторов, реализующихся через диалектику коллективного и индивидуального, проявляющуюся в двух аспектах: конвенциональность – интенциональность и инструментальность – креативность.

Анализ первого аспекта показывает, что структура интенциональности языковой личности – не только плод интересубъективности, но и результат субъективации коллективного коммуникативного опыта. Объективно заданные индивиду языковым сообществом конвенции дискурсивности актуализируются на практике через связь с намерениями говорящего, который осуществляет самостоятельный выбор средств достижения цели и стратегий дискурсивного поведения в условиях относительной неопределенности и разнообразия дискурсивных ситуаций.

Рассмотрение дискурса через единство инструментальности и креативности позволяет поставить вопрос об источниках свободы языковой личности как субъекта дискурсопорождающей деятельности и сконцентрировать внимание на сочетании психологических, культурных, социальных факторов, обуславливающих индивидуальную вариативность в использовании языка.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
2. Брагина Н. Г. Социокультурные конструкты в языке. М.: Флинта, 2013. 386 с.
3. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. Смысл понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 485-545.
5. Виданов Е. Ю. Аналитизм и языковая игра: к постановке проблемы // Уральский филологический вестник. 2012. № 2. С. 214-217.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. 612 с.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 304 с.
8. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Минск – М.: Харвест; АСТ, 2000. 752 с.
9. Добрава Г. Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. С. 33-49.
10. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
11. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Издательство Томского университета, 2005. 152 с.
12. Подольская О. С. Социально-философский анализ феномена языковых игр: автореф. дисс. ... к. филос. н. Благовещенск, 2012. 21 с.
13. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Издательство МГУ, 1972. 126 с.
14. Bourdieu P. Language and Symbolic Power: The Economy of Linguistic Exchanges. Harvard University Press, 1991.
15. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.
16. Searl J. R. Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World). N. Y.: Basic Books, 1998.

DIALECTICS OF FORMATION OF LINGUISTIC PERSONALITY AS DISCOURSE SUBJECT

Sakharova Anna Vladimirovna
Ivanovo State Polytechnic University
sakharova1984@inbox.ru

The article examines the problem of the formation of a linguistic personality from the viewpoint of the interaction of the individual and the collective in the process of the involvement of a native speaker into discourse generation as a variety of social activity. In this connection such features of discourse as conventionality – intentionality and instrumentality – creativity are analyzed. The linguistic and extra-linguistic factors determining the limits of the space of an individual's free choice and influencing his/her formation as a discourse subject are revealed.

Key words and phrases: linguistic personality; discourse; intersubjectivity; social action; creativity; theory of speech acts; language game.